

Мизиев Ахмат Магометович

**О РАЗРАБОТКЕ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ОБЩИХ СЛОВАРЯХ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА**

В статье рассматривается вопрос о разработке лексикализации грамматических форм глагола в лексикографических работах карачаево-балкарского языка. В этой связи изучаются основные критерии, согласно которым в словарях целый ряд имен действий, причастий и деепричастий дефинируются как языковые единицы, подвергшиеся лексикализации. Автор обосновывает положение о том, что переводимость этих форм на русский язык не может служить основанием для их интерпретации в качестве лексических словарных единиц.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/35.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(73): в 3-х ч. Ч. 2. С. 122-124. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81-35

В статье рассматривается вопрос о разработке лексикализации грамматических форм глагола в лексикографических работах карачаево-балкарского языка. В этой связи изучаются основные критерии, согласно которым в словарях целый ряд имен действий, причастий и деепричастий дефинируются как языковые единицы, подвергшиеся лексикализации. Автор обосновывает положение о том, что переводимость этих форм на русский язык не может служить основанием для их интерпретации в качестве лексических словарных единиц.

Ключевые слова и фразы: карачаево-балкарский язык; словообразование; лексикализация; неличные формы глагола; лексикографирование.

Мизнев Ахмат Магометович, д. филол. н.

*Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х. М. Бербекова, г. Нальчик
miz1967@mail.ru*

О РАЗРАБОТКЕ ЛЕКСИКАЛИЗАЦИИ НЕЛИЧНЫХ ФОРМ ГЛАГОЛА В ОБЩИХ СЛОВАРЯХ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА

Уровень словарной разработки лексикализации грамматических форм слов, как правило, зависит от уровня их научного исследования, что сопряжено и с определением границ словообразования и словоизменения. Как отмечается в специальных лингвистических исследованиях, по этому вопросу «до настоящего времени ни в общетюркских исследованиях, ни в разработках конкретных грамматик нет еще общих устоявшихся положений» [1, с. 3]. В традиционных теоретических исследованиях и описательных научных грамматиках по тюркским языкам нередко имеет место смешивание категории словообразования и словоизменения. Это в большей степени относится к сфере глагола и его грамматических форм. Так, например, М. А. Хабичев имена действия интерпретирует как отглагольные имена, т.е. признает за ними статус имен существительных, образованных от глаголов [12, с. 164-165]. По мнению Н. К. Дмитриева, глагольные формы на *-ыу/-уу* в башкирском языке являются инфинитивами: *алыу* «брать; взятие», *тотуу* «хватать; хватание» и др. [3, с. 144]. Отмечается и тот факт, что в карачаево-балкарском языке формы на *-гъан/-ген, -ыр/-ир, -лыкь/-лик* – это причастия, а формы на *-ыучу/-уучю* – имена существительные: *жазгъан* «пищущий», *келир* «будущий», *жырлаучу* «поющий (певец)» и др. [2, с. 218]. В этой связи следует обратиться и к грамматическим исследованиям, в которых актуализируется то, что «формы будущего времени в карачаево-балкарском языке представлены глаголами на *-ыр/-ир, -ур/-юр*, выражающими неопределенное будущее время, и глаголами на *-лыкь/-лик, -лукь/-люк, -рыкь/-рик, -рукь/-рюк* со значением категорического будущего времени» [6, с. 393]. Примеры: *бар (-ыр)* «пойдет (когда-то)», *кел (-ликди)* «придет (обязательно)», *къара (-рыкьды)* «посмотрит (непрерывно)» и др. [8, с. 332; 9, с. 181, 567]. Между тем общеизвестно [12, с. 43], что в лексические словари, основными из которых обычно в тюркских языках являются русско-тюркские и толковые, из грамматических форм слов должны включаться только те, которые уже подверглись процессу лексикализации и свободно функционируют в языке именно в лексикализованном значении. Однако согласно тюркологической традиции, в лексикографических источниках регистрируются и чисто неличные грамматические формы глагола, которые еще не приобрели статус словарных лексем: имена действия от всех залоговых форм глагола и все формы залога. Например: *билдириу, билишиу* – имена действия понудительного и взаимно-совместного залогов от глагола *бил-* «знать»; *бюркдюр (бюркдюрт), бюркюш* – формы понудительного и взаимно-совместного залогов глагола *бюрк-* «прыскать, брызгать что-либо» и т.п. [8, с. 423, 427, 554].

Как показывает проанализированный фактологический материал, в карачаево-балкарском языке лексикализации подверглось небольшое количество форм имени действия, примерно 100 единиц. Это не дает основания включать все имена действия в словари в качестве самостоятельных лексических единиц. Тем не менее словари тюркских языков все еще не отказались от практики регистрации на правах отдельных слов не только форм имени действия основного залога, но и всех залогов, что создает ложное представление о лексическом составе языка.

В «Карачаево-балкарско-русском словаре» как лексические единицы представлены отрицательные формы имени действия на *-у* типа *келишмеу* «1) неприемлемость; несоответствие чему-либо, противоречие; 2) неуживчивость» [4, с. 321], *тынгыламау* «ослушание, непослушание, неповиновение» [Там же, с. 662] и т.п. Такие формы синтаксистами-тюркологами рассматриваются как грамматические глагольные формы относительно синтаксической парадигматики «в рамках парадигмы простого предложения по цели высказывания» [5, с. 125].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что авторы «Карачаево-балкарско-русского словаря» при регистрации указанных форм имени действия руководствовались переводимостью их на русский язык самостоятельными лексемами. Об этом говорит тот факт, что формы, не переводимые на русский язык, например, *алмау* «не брать», *бермеу* «не давать», *бармау* «не ходить», *келмеу* «не приходиться», *ишлемеу* «не работать» и т.п., не вошли в словник этого словаря. Данная форма имени действия, как и форма на *-ыу (-у, -уу, -юу)*, не является сама по себе словарной формой. В пользу этого мнения свидетельствуют и грамматические исследования, которые не включают данные формы глагола в сферу именного отрицания [11].

Некоторые словари, не учитывая грамматические особенности глагольных лексем, регистрируют формы имени действия на *-макьлыкь/-меклик*: *айыпламакьлыкь* «пристыдить», *кюлмеклик* «смеяться», *келмеклик* «приходить», *бузмакьлыкь* «портить» и др., квалифицируя подобные формы как отвлеченные имена существительные [4]. Между тем из всего массива подобных форм лексикализованы только четыре: *кечмеклик*

«прощение, извинение, снисхождение» [Там же, с. 334], *сүймеклик* «1) любовь (например, к другу, к людям); 2) любовь (влечение к лицу другого пола); 3) любовный (в позиции определения); любовь (например, к искусству)» [10, с. 293], *кечинмеклик* «искать средства к существованию; искать [себе] какое-л. развлечение (от тягостных мыслей и т.п.)» [4, с. 334], *ишленмеклик* «воспитанность» [9, с. 149].

При этом абсолютное большинство образований с этим аффиксом искусственно, неупотребительно не только в письменной, но и в устно-обиходной речи балкарцев и карачаевцев. Бесспорно, что омоформы, омографы и омофоны лексические словари не должны регистрировать, так как они не относятся к лексическим омонимам. Тем не менее как «Карачаево-балкарско-русский словарь», так и «Толковый словарь карачаево-балкарского языка» омоформы, один из членов которых является именем действия, дали как лексические омонимы: *айтыу I* 1. «предание, сказание, легенда»; 2. «слухи, молва»; 3. «пословица, поговорка»; 4. «предложение» – *айтыу II* имя действия к *айт-* «говорить» [4, с. 36-37; 8, с. 82], *къанау I* имя действия к *къана-* «кровоточить» – *къанау II* «женокподобный мужчина» [4, с. 387; 9, с. 543], *окуу I* имя действия к *оку-* «учиться» – *окуу II* «учеба» [4, с. 494; 9, с. 1035] и т.п.

Однако достоинством обоих словарей является полное выявление лексикализованных форм имени действия на *-ыу (-иу, -уу, -юу)* и регистрация их в своих словниках: *айтыу* «поговорка», *бериу* «передача», *билдириу* «сообщение», *билеу* «точило», *жашау* «жизнь», *кечу* «прощение», *окуу* «учеба», *сюрюу* «стадо», *тёлеу* «платеж», *тонау* «грабеж» и др. [4, с. 36, 135, 142, 238, 334, 494, 592, 628, 644; 8, с. 82, 400, 423, 426, 858; 9, с. 243, 1035; 10, с. 304, 484, 554].

В словник «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» включены только отричастные лексикализованные имена существительные (иногда и имена прилагательные) типа *жазычу* «писатель», *жараган* «хороший, настоящий, подходящий, полноценный», *кьайнар* «кипяченный», *къамамаган* «бессовестный», *кьылган* «ковыль», *окуучу* «ученик», *уялмаган* «бесстыжий» [8, с. 767, 826; 9, с. 488, 533, 770; 10, с. 734] и др. Количество их не превышает 70. Среди них более или менее распространена форма настоящего времени, часть которой относится к сфере терминологии: *агартычу* «отбеливатель», *алычу* «покупатель», *толтуруучу* «дополнение» и др. [8, с. 45, 142; 10, с. 548].

В отборе и разработке причастий в «Карачаево-балкарско-русском словаре» нарушен тот порядок, который был принят в нем для разработки имен действия. Так, в именах действия приводятся не только лексикализовавшиеся, но и нелексикализовавшиеся значения, в «Толковом словаре карачаево-балкарского языка» приводятся только первые, что, на наш взгляд, следует считать правильным.

В словнике «Карачаево-балкарско-русского словаря» можно обнаружить множество причастий, переводимых на русский язык самостоятельными лексемами. Иначе говоря, основным принципом отбора причастий в него явилась не столько их лексикализация, сколько переводимость на русский язык именем прилагательным или именем существительным.

Формы *бериучу* «дающий», *бетлеучу* «олицетворяющий», *билдириучу* «сообщающий» и т.п. нельзя считать причастиями. Они вместе с последующими определяемыми словами *болуш*, *алмаш* (*бериучу болуш* «дательный падеж»; *белгилеучу алмаш* «относительное местоимение» и др.) составляют сложные грамматические термины. Эти единичные лексикографированы неправильно: *бериучу*: ~ *болуш* грам. дательный падеж [4, с. 135]. Так должны оформляться только те слова и их формы, которые не имеют самостоятельного употребления: например, *геуорге*: *геуорге кюн* «вторник», *хычауман*: *хычауман ай* «весенний месяц (май)» и др.

В отличие от причастий настоящего времени, в словник отмеченного выше словаря у причастий прошедшего времени включены не только положительные, но и отрицательные формы. И здесь принципом их регистрации была возможность передачи их на русский язык самостоятельными словами: *джайылган* «распространенный» (*джайылган айтым* «распространенное предложение»), *джайылмаган* «нераспространенный» (*джайылмаган айтым* «нераспространенное предложение»), *джараган* «благоприятный; годный, полезный; способствующий чему-либо» (*джараган дарман* «полезное лекарство»), *джарамаган* «негодный, плохой» (*ашарга джарамаган* «непригодный к употреблению в пищу») и др. [Там же, с. 218, 228].

Хотя нелексикализованных причастий прошедшего времени, как и настоящего, достаточно много в этом словаре, некоторые же лексикализованные из них остались за пределами его словника: *жонулган* «граненый» (*жонулган стакан* «граненый стакан»), *жайылган-жыйылган* «сборно-разборный» (*жайылган-жыйылган стол* «сборно-разборный стол») и др.

Здесь, как и в именах действия, в тех случаях, когда причастие лексикализовано, показывается и его нелексикализованное значение: *джашаган* 1) причастие от *джашарга*, 2) «пожилой, немолодой» [Там же, с. 237]; *джетген* 1) причастие от *джетерге*; 2) «зрелый, спелый»; 3) «зрелый, возмужалый»; 4) «встречный» [Там же, с. 244] и др.

Ошибка, допущенная при разработке причастий настоящего времени, повторилась и при разработке причастий прошедшего времени. Например, в грамматических терминах *джайылган айтым* «распространенное предложение», *джайылмаган айтым* «нераспространенное предложение» [Там же, с. 218] причастия оторваны от состава термина.

Собранный и проанализированный материал показывает, что в карачаево-балкарском языке почти все сложные причастия лексикализовались и перешли в имена существительные и прилагательные. Среди них причастий будущего времени заметно больше, чем настоящего и прошедшего. Сравнение словарей «Толкового словаря карачаево-балкарского языка» и «Карачаево-балкарско-русского словаря» показывает, что большинство таких слов не вошло во второй словарь, например: *жанълмез* «бессмертный», *экиатар* «двузрядное ружьё», *борчбермез* «не любящий одалживать», *кьулсуймез* «крестец», *кьойбермез* «название детской игры», *бешатар* «пятизарядный пистолет», *кьушжетер* «быстрый (о коне)» и др.

В обоих словарях зарегистрированы такие сложные причастия будущего времени, перешедшие в существительные, как *баугъакирмез* «семигодовая овца», *жукъбилмез* «невежда», *къойгъаайланмаз* «старый баран-производитель», *къошхасалмаз* «бересклет бородавчатый», *тапсаашар* «дармоед», *тѣбдеойнар* «ягненок (двух-трехмесячный)» и др. [4, с. 256, 409, 418, 626; 8, с. 356, 932; 9, с. 647, 679; 10, с. 366, 473]. Зато в «Карачаево-балкарско-русском словаре» довольно много нелексистализованных причастий будущего времени, зарегистрированных как имена существительные и прилагательные. Например, на букву *Къ* приведены такие, как *къабыллыкъ* «тот, который должен пропасть», *къалмазлыкъ* «кому суждено умирать», *къанмазлыкъ* «неутолимый», *къапларыкъ* «одежда», *къараллыкъ* «требующий рассмотрения (например, вопрос)» и др. [4, с. 370, 383, 388, 391]. *Ё – ёллюк* «смертник, обреченный на смерть», *ёлмезлик* «бессмертный», *ёсмезлик* «обреченный (на прозябание)», *ёчюлмезлик* «неугасимый» и др. [Там же, с. 276, 280, 282].

Из деепричастий в наречия в исследуемом языке перешли немногие, притом в основном первичные формы на *-п* и *-май/-мей*: *тюрслеп* «внимательно, пристально», *таймай* «постоянно, непрерывно, всегда» и др. [10, с. 326, 662]. Остальные формы (*-гъанлы/-генли*, *-маздан/-мезден*: *туугъанлы* «отроду, с рождения», *таймаздан* «постоянно, непрерывно, всегда» [Там же, с. 326, 603] и т.п.) переходят редко. В словарях карачаево-балкарского языка этот процесс отражен в целом правильно, особенно в «Толковом словаре карачаево-балкарского языка». Однако «Карачаево-балкарско-русский словарь» в этом вопросе, как и в вопросе оценки лексикализации имен действия и наречий, явно перестарался, так как составители его опять-таки ориентировались на переводимость карачаево-балкарских деепричастий на русский язык: формы, переводимые наречиями, квалифицировали таковыми и в родном языке. В результате реестровыми единицами оказались многие нелексистализованные деепричастные формы типа *айландырыб* «еще раз, вторично», *алдамай* «искренне, не кривя душой» [4, с. 31, 50] и др. Эти формы оказались наречиями, только судя по переводу на русский язык, в то же время настоящие наречия, образованные от деепричастий типа *айланмай* «точь-в-точь», *айлап* «месяцами», *ойлап* «обдуманно», *билип* «заведомо», *тюрслеп* «внимательно», *ичгисинип* «по секрету, под секретом», не включены в лексикографические источники. Между тем подобные формы давно уже воспринимаются как самостоятельные адвербиальные лексические единицы даже синтаксистами, которые их рассматривают как обязательные обстоятельственные компоненты простого предложения [7, с. 102-110].

Таким образом, как показывает проанализированный выше фактологический материал, в карачаево-балкарском языке наличествует целый пласт грамматических форм глагола, перешедших в разряд имен существительных, прилагательных и наречий. Однако в их лексикографической разработке остаются лакуны. Лексикографы при дефиниции глагольных форм опираются на такой критерий, как их переводимость на русский язык, но это не дает возможности в полной мере верифицировать словарный иллюстративный материал.

Список источников

1. Баскаков Н. А. О границах словообразования и словоизменения в тюркских языках // Советская тюркология. 1986. № 2. С. 3-11.
2. Грамматика карачаево-балкарского языка: фонетика, морфология, синтаксис / под ред. Н. А. Баскакова. Нальчик: Эльбрус, 1976. 571 с.
3. Дмитриев Н. К. Грамматика башкирского языка. М. – Уфа: Наука; ГУП РБ «Уфимский полиграфкомбинат», 2007. 231 с.
4. Карачаево-балкарско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева и Х. И. Суюнчева. М.: Рус. яз., 1989. 832 с.
5. Кетенчиев М. Б. Парадигма утвердительного/отрицательного простого предложения в карачаево-балкарском языке // Вестник ВЭГУ. 2013. № 4 (66). С. 123-127.
6. Кетенчиев М. Б. Парадигмы простого предложения по синтаксическим наклонениям в карачаево-балкарском языке // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2014. № 16. С. 392-396.
7. Кетенчиев М. Б. Структура и семантика именных предложений в карачаево-балкарском языке. Нальчик: Книга, 2000. 145 с.
8. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1996. Т. 1. А-Ж. 1016 с.
9. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2002. Т. 2. З-Р. 1168 с.
10. Толковый словарь карачаево-балкарского языка: в 3-х т. Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. Т. 3. С-Я. 1157 с.
11. Улаков М. З., Кетенчиев М. Б. Парадигма именного отрицания в карачаево-балкарском языке // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2013. № 3 (53). С. 160-165.
12. Хабичев М. А. Именное словообразование и формообразование в куманских языках. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. 218 с.

ON THE DEVELOPMENT OF LEXICALIZATION OF NON-FINITE FORMS OF THE VERB IN GENERAL DICTIONARIES OF THE KARACHAY-BALKAR LANGUAGE

Miziev Akhmat Magometovich, Doctor in Philology
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov, Nalchik
miz1967@mail.ru

The article deals with the issue of the development of lexicalization of grammatical forms of the verb in the lexicographical works of the Karachay-Balkar language. In this connection, the main criteria, according to which in the dictionaries a number of names of actions, participles and adverbial participles are defined as linguistic units that have undergone the process of lexicalization, are studied. The author justifies the proposition that the translatability of these forms into the Russian language cannot serve as a basis for their interpretation as lexical vocabulary units.

Key words and phrases: the Karachay-Balkar language; word formation; lexicalization; non-finite forms of verb; lexicographic process.